

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 1. С. 70–81.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 1. P. 70–81.

Научная статья / Original article

УДК 101.2

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-70-81

ПРОБЛЕМА НЕВЫРАЗИМОСТИ «ЭТИЧЕСКОГО» В ФИЛОСОФИИ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА И М. К. МАМАРДАШВИЛИ

Александр Андреевич Гиринский

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Москва, Россия, agirinskiy@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0001-9334-431X>

 Аннотация. В статье предлагается реконструкция «заочного» диалога между двумя оригинальными мыслителями — Л. Витгенштейном (1889–1951) и М. К. Мамардашвили (1930–1990). Диалог этот посвящен проблеме возможности «этического» высказывания. Диалог об этике в творчестве обоих мыслителей в конечном счете становится дискуссией о возможности философии как таковой, точности философского языка, трансцендентализме и условиях нашего знания и наших действий. В связи с этим в данном тексте анализируются идеи авторов, касающиеся этой проблематики. Поднимаются темы, связанные с оценкой творчества Витгенштейна, диалектикой «Логико-философского трактата» (противоречиями между логической и «мистической» частями),

© Гиринский А. А., 2023

дискуссией о том, что сам Витгенштейн считал в своем произведении более значимым. В случае с Мамардашвили привлекаются работы, посвященные Декарту и Канту, а также социальной философии («Опыт физической метафизики», так называемые «Вильнюсские лекции»). Делается вывод, что авторам близок «трансцендентальный» язык философствования, их объединяет симпатия к философии, где акцент делается не на содержании нашего мышления, а на условиях его реализации. Это сказывается и на их отношении к возможности философии и, соответственно, этики. В творчестве Витгенштейна подчеркивание этого аспекта носит «мистический» характер, у Мамардашвили имеет ярко выраженную «экзистенциальную» окраску.

Ключевые слова: философия, мистика, этика, трансцендентализм, свобода, логика, язык

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Гиринский А. А. Проблема невыразимости «этического» в философии Л. Витгенштейна и М. К. Мамардашвили // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 1. С. 70–81.
doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-70-81.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

THE PROBLEM OF THE INEXPRESSIBILITY OF THE “ETHICAL”
IN THE PHILOSOPHY OF L. WITTGENSTEIN AND M. K. MAMARDASHVILI

Aleksandr A. Girinskiy

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University), Moscow, Russia, agirinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9334-431X>

Abstract. This article proposes a reconstruction of the “correspondence” dialogue between two original thinkers — L. Wittgenstein (1889–1951) and M. K. Mamedashvili (1930–1990). This dialogue is devoted to the problem of the possibility of an “ethical” statement. However, it can be seen that the dialogue about ethics ultimately in the work of both thinkers becomes a discussion about the possibility of philosophy

as such, about the accuracy of philosophical language, about transcendentalism and the conditions of our knowledge and our actions. In this regard, this text analyzes the ideas of the authors regarding this issue. Topics are raised related to the assessment of Wittgenstein's work, the dialectic of the “Tractatus Logico-Philosophicus” (contradictions between the logical and “mystical” parts), a discussion about what Wittgenstein himself considered more significant in his work. In the case of Mamardashvili, the emphasis is on works devoted to Descartes and Kant, as well as social philosophy (“Experience in Physical Metaphysics”, the so-called “Vilnius Lectures”). It is concluded that the authors are close to the “transcendental” language of philosophizing, they are united by sympathy for philosophy, where the emphasis is not on the content of our thinking, but on the conditions for its implementation. This affects their attitude to the possibility of philosophy and, accordingly, ethics. In Wittgenstein’s work, the emphasis on this aspect is of a “mystical” nature, while in Mamardashvili it has a pronounced “existential” coloring.

Keywords: philosophy, mysticism, ethics, transcendentalism, freedom, logic, language

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Girinskiy, A. A. (2023) “The Problem of the Inexpressibility of the ‘Ethical’ in the Philosophy of L. Wittgenstein and M. K. Mamardashvili”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(1), pp. 70–81. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-70-81.

Философия Людвиг Витгенштейна — одно из самых загадочных явлений западной культуры XX века. Популярность его обусловлена многими причинами. Эксцентричный характер самого философа, фрагментарный характер его философских построений, амбициозные попытки «отменить» философию и показать всей предшествующей интеллектуальной традиции все ее ошибки и промахи, религиозные и мистические искания за пределами логики и вообще какой-либо дискурсивности — вот неполный список того, чем нам запомнился Витгенштейн, и всё это до сих пор будоражит внимание исследователей. Для одних он основатель «лингвистического поворота», который произошел в XX веке в философии, а затем и в гуманитарном

знании вообще, предшественник идей Венского кружка, логический позитивист, сурово презирующий метафизику. Для других — человек, показавший несостоятельность теоретической философии как таковой, философ, отменивший философию ради того, «о чем следует молчать».

Ответ на вопрос, чем же является философия Витгенштейна, составляет большую исследовательскую проблему [Сокулер, 1994]. Вряд ли расхожее убеждение, что вся сущность философии для Витгенштейна сводится к «распутыванию» логико-лингвистических проблем, стоит принимать как единственно возможное. О том, что почти вся рецепция идей «Трактата» на Западе проходила через призму лишь «проявленной», логической части трактата, упоминать тоже излишне. Этот факт достаточно известен. Многие историки философии до сих пор продолжают считать, что «Трактат» Витгенштейна — произведение неоригинальное, вторичное, в схематичном и упрощенном виде повторяющее кантовские интуиции, только если у Канта за пределами теоретического разума и предложений науки есть еще две «Критики», то у Витгенштейна там зияющая пустота.

Современная исследовательница философии Витгенштейна Софья Владимировна Данько, напротив, полагает:

Прежде всего, он показывает, каковы пределы возможностей языка, каково устройство языка. Затем он показывает, что лежит в основе философии, что побуждает людей философствовать. Затем он показывает, что вокруг смыслового ядра философии наворачиваются многочисленные слои рассуждений, которые бессмысленны по одной простой причине: то, что составляет ядро философии и представляет главный интерес для философствующего человека, не может, и, более того, не должно быть выражено, высказано в языке.

[Данько, 2013, с. 6]

Язык, таким образом, может описывать нейтральные состояния мира, но не может описать, если угодно, сущность мира, так как она «мистична», что выражено в афоризме: «Не как мир существует, является мистичным, но скорее, что он вообще существует» [Витгенштейн, 2005, с. 216]. Этическое сводимо к мистическому, так как оно не обладает фактуальностью. В поздний период Витгенштейн частично пересматривает свое отношение к проблеме языка, но основное ограничение тем не менее остается прежним: можно описать «формы жизни», но нельзя описать основания жизни, так как они не подлежат дескрипции как факты. Знание о том, что не наличествует в форме фактов, есть знание о Высшем, мистическом, религиозном, «о чем следует молчать»

[Там же, с. 218], поэтому «если бы человек был способен написать настоящую книгу по этике, то эта книга, подобно взрыву, уничтожила бы все другие книги в мире» [Витгенштейн, 1989, с. 241]. Теоретическая философия не в состоянии говорить о жизни, потому что у нее нет для этого инструментов, но у человека есть способность «указывать», «чувствовать», «достигать» ясности вне философии, науки и других способов рационального теоретизирования, сводимого, по Витгенштейну, к логическим и лингвистическим операциям. Данько отмечает:

И вот здесь-то, в этом пункте я и вижу наиболее важное достижение Витгенштейна, которое в пору назвать новым «коперниканским переворотом»: вся его филигранная логика и воспаряющая над ней голографическая «метаэтика» целиком направлены на то, чтобы показать, или, скорее, напомнить, что дело обстоит как раз наоборот!

[Данько, 2013, с. 8–9]

Таким образом, оправдать «этику» Витгенштейна — значит, по большому счету, оправдать саму философию Витгенштейна как таковую, по крайней мере в объеме «Логико-философского трактата». В противном случае Витгенштейн останется лишь предтечей Венского кружка, логического позитивизма и прочих малопривлекательных, хотя и продуктивных в свое время явлений западной философской культуры.

Известно, что Витгенштейн в письмах к друзьям и знакомым не раз подчеркивал, что в его «Трактате» «ненаписанное важнее того, что там написано». Это позволяет, например, В. Рудневу говорить, что «Трактат» Витгенштейна является одним из самых сложных произведений мировой философии и культуры: «Не менее сложных, чем Библия, “Бхагавад-Гита”, “Даодедзин” или “Алмазная сутра”» [Руднев, 2005, с. 11]. Далее он отмечает: «По своей структуре “Трактат” тяготеет, как это ни покажется парадоксальным, к утонченному креативному мифологическому мышлению» [Там же].

«Трактат» начинается с утверждения, что понять книгу сможет только тот, «кому однажды уже приходили мысли, выраженные в ней» [Витгенштейн, 2005, с. 14]. Подобное определение условий понимания напоминает мысль М. К. Мамардашвили о том, что понимание (как и всякое человеческое явление, или в терминах Мамардашвили — «усилие») необходимо рождается только в силу условий понимания, не сводимых к какой-либо предметной фактичности. Мамардашвили любил повторять, что любое понимание возможно только тогда, когда уже есть условия для понимания. В этом случае понимание не может не произойти, не сбыться. Случается оно лишь как эм-

пирическое явление, но «происходит» в силу условий, являющихся трансцендентальными. Подробно обращает внимание на это обстоятельство Д. Э. Гаспарян: «Мамардашвили фактически дает формулу трансцендентальной аргументации: от вещей к условиям вещей...» [Гаспарян, 2022, с. 139]. В своей статье она выявляет схожесть философской методологии Витгенштейна и Мамардашвили, делая особый акцент на трансцендентальной «философии сознания» этих мыслителей.

Мамардашвили принадлежат замечательные слова, сказанные им о «Трактате»:

Скажем, какой холодной и отвлеченной красотой пронизан один из лучших философских текстов — «Логико-философский трактат» Витгенштейна. Он является одновременно и знаком человеческого достоинства, и знаком человеческой хрупкости. Одним из выражений этих застывших образов высокого, то есть истиной красоты, добра, достоинства — или того, о чем трудно говорить, и поэтому лучше молчать. Это то, что Витгенштейн называл мистическим. Кажется, будто ему приснился мир (трактат был написан большей частью в окопах первой мировой войны) и всю последующую жизнь он безуспешно пытался помыслить то, что ему пригрезилось и что не могло, как он считал, быть предметом анализа.

[Мамардашвили, 1992, с. 398]

Или другие слова:

Признание того, что в действительном смысле реальны и необходимы только истины факта, Витгенштейн закрепил в своей знаменитой проблеме молчания. Скажем, есть трансцендентальная этика, и ее нельзя выразить. То, что мы выражаем, уже не этика. Но дело в том, что то, о чем молчишь, существует более необходимо и достоверно, нежели то, о чем говоришь, — иначе для Витгенштейна не существовало бы проблемы молчания.

[Мамардашвили, 1993, с. 246–247]

Проблема молчания как главная проблема философии, проблема мышления о том, о чем мыслить нельзя, — такая постановка вопроса сближает Витгенштейна с Мамардашвили самым естественным образом. Еще одна цитата из «Трактата»: «Чтобы провести границу мышлению, мы должны были бы быть в состоянии мыслить по обе стороны этой границы (мы должны были бы, тем самым, быть в состоянии мыслить о том, о чем мыслить нельзя)» [Вит-

генштейн, 2005, с. 14]. Или, на мой взгляд, еще более важная цитата: «Я держусь того мнения, что проблемы в основном окончательно решены. И если я в этом не ошибаюсь, *то ценность этой работы теперь заключается, во-вторых, в том, что она обнаруживает, как мало дает то, что эти проблемы решены*» [Там же].

Решение проблем «дает очень мало». Одна эта формулировка неоспоримо доказывает, что решение логико-языковых затруднений нисколько не играет роли для Витгенштейна, что главная часть «Трактата» та, которая проблемы не решает, а в каком-то смысле их заново ставит. Здесь уместно вспомнить размышление Мамардашвили: «То, о чем молчишь, существует более достоверно». Что бы это могло значить? Первый афоризм «Трактата» звучит так: «Мир — это всё, чему случается быть» (“Die Welt ist alles, was der Fall ist”) [Там же, с. 18]. Понятие «случая» как «случаяния», вообще сама онтология «случайности» имеет также смысл и для Мамардашвили. «Случается» только то, что не является достоверным. Случиться может только то, что обладает фактичностью, но не обладает «трансцендентальной приставкой», структурой извлечения опыта, не сводимого к эмпирии. Всё «человеческое», по Мамардашвили, выходит за рамки предметной фактичности, а потому не может быть выражено через субъект-предикатные отношения и не может быть оформлено и связано каузальным образом. Гаспарян отмечает:

...Можно говорить о двух режимах эпистемической доступности. Первый режим предполагает стандартную субъект-объектную модель и верификацию посредством актуализации значения, иначе говоря, это взор, направленный на предметное сущее. В терминах Витгенштейна это можно обозначить как уровень «фактов» и их описаний — предложений, а в терминах Мамардашвили мы можем назвать его измерением «эмпирий». Второй режим не предполагает стандартной субъект-объектной модели и исходит из другого типа знания. Выражаясь понятиями Витгенштейна, можно назвать его невыразимым посредством предложений, но показывающим себя очерчиванием логического и мистического.

[Гаспарян, 2022, с. 139–140]

Нельзя не обратить внимания, что Мамардашвили уравнивает линию Витгенштейна и Канта: «Правы Кант и Витгенштейн, когда говорят: этика не факт мира, она трансцендентальна, то есть она граница мира или какой-то особый взгляд на мир» [Мамардашвили, 2009, с. 28]. По всей видимости, это и есть витгенштейновское «невозможно мыслить по обе стороны границы»

[Витгенштейн, 2005, с. 14]. Об этом, как кажется, и высказывания Витгенштейна, что скептицизм «хочет сомневаться там, где не должно спрашивать», что «мистическое обнаруживает себя», что «мистическое» — это скорее не то, как мир существует, а то, чем он является в своей сущности [Там же, с. 216–217]. Кантианские интонации Витгенштейна также близки Мамардашвили. Известен его пассаж в «Кантианских вариациях» — глубоко витгенштейновской по духу книге:

Философия Канта как раз и состояла в думании о таких условиях содержания, которые не совпадают с самим содержанием и которые незаметны, уходят на задний план, когда содержание случилось. Обычно мы воспринимаем случившееся содержание как само собой разумеющееся и выражаем его в предметных терминах, то есть мыслим о нем в терминах самого содержания, — а философы понимают, что есть еще что-то другое.

[Мамардашвили, 2002, с. 10]

В. Ю. Файбышенко отмечает «трансцендентальный» характер такого философствования:

Трансценденталии, или идеи, работают как особый оптический фокус, делающий «то, чего нет» видимым. Трансценденталии входят в жизнь как эффекты, как бы производимые искусственными структурами, но само создание этих структур и способность их распознавать уже предполагают трансцендентальный фокус. Мамардашвили иногда называет имена таких структур — например, право, наука, этика, но их не надо путать с «социальными институтами» права или науки, как мы их знаем. Мамардашвили, говоря об искусственных органах-интенсификаторах, имеет в виду не исторически данные структуры, но то, что в принципе позволяет отличить науку от ненауки, а право от бесправия, отличить в собственной жизни и собственным действием.

[Файбышенко, 2018, с. 20]

«Другое», о котором говорит Мамардашвили, — это то, «о чем следует молчать», или то, что «скрывается» от нас через свое содержание. Феномен, в кантианской терминологии, скрывает от нас «мир сам по себе», потому что предстает перед нами только через априорные формы чувственности и рассудка. Прорваться к «миру» можно только через этику. В эту же линию рассуждения укладывается и следующий афоризм Витгенштейна: «Смысл мира должен лежать за его пределами. В мире всё есть, как есть, и всё происходит так, как

происходит. Внутри него никакой ценности — а если бы она там имелась, то не имела бы никакой ценности» [Витгенштейн, 2005, с. 213].

Мамардашвили, как видно, выражает ту же самую мысль, но более понятным образом: «Всегда возможно что-то другое и в каком-то смысле любой мир есть случайный мир, то есть состав мира внутри границ мира случайный... Факты мира все одинаково случайны или, как говорил Декарт, одинаково безразличны» [Мамардашвили, 2009, с. 54]. Факты мира случайны, потому что принцип их упорядочивания необходимо не может существовать «фактическим», предметным, логическим образом. Смысл мира всегда находится вне мира, этика всегда трансцендентальна, так как не может являться содержанием мира, но всегда является его условием, в той мере, в какой этот мир «мой», или шире — человеческий. Говорить об этике на языке *Naturwissenschaft* — значит делать главную философскую ошибку, чреватую в том числе и тяжелыми практическими, социально-политическими последствиями, в конечном счете тоталитаризмом («социальной алхимией»). Определять моральное действие через причинность, логическую необходимость невозможно, так как этика не задается фактуальностью мира, так как все «человеческие» явления, будь то «свобода», «совесть», «долг», «любовь» и прочие, являются явлениями «по ту сторону причинности».

Рассуждение Мамардашвили на эту тему сводится к тому, что, если бы не существовало этики, в мире невозможны были бы никакие постоянные, длящиеся события. То, что заставляет мир удерживаться в состоянии «человеческого усилия», есть человеческая интенсивность, продукт сознания, имеющего трансцендентальную, а значит, этическую природу. Знаменитый его пример говорит о том, что любовь отличается от полового желания, так как имеет трансцендентальную, внепричинную природу, длится только за счет тавтологии и самоопределения самой себя, а не в силу необходимости какого-то причинного ряда, который всегда в силу условий фактуально-каузальной природы мира имеет преходящее, изменчивое состояние. Если возможна, по Мамардашвили, вечная, непреходящая любовь, то только как явление высшего, «трансцендентального» порядка.

Вывод Витгенштейна, как кажется, достаточно прост (однако простота вывода не означает простоты решения поставленного вопроса): любая этическая теория, претендующая на «проговаривание» и аргументацию своих положений, превращается в «квазинаучную» догматику, так как неизбежно вырождается в причинно-фактическую предметную детерминацию. Этические предположения, если бы они и могли состояться на каком-то непредметном языке, могли бы лишь указывать, «проявлять» этическое как таковое, но никогда не

получать его путем некой дедукции понятий. В этом, несомненно, и пафос Мамардашвили, для которого, в общем, вся философия сводится к этой проблеме: «Мы не можем выскочить из мира, то есть мы можем ухватывать трансценденцию только на проявлении ее действия через нас. Это неуловимый акт, который ухвачен описанием чего-то, что мы можем примерно знать, но не можем выразить» [Мамардашвили, 2009, с. 57].

Список источников

Витгенштейн Л. Лекция об этике (1929 или 1930 г.) / пер. А. Ф. Грязнова // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1989. С. 238–245.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л.* Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 14–222.

Гаспарян Д. Э. Невыразимость как условие: трансцендентальное в философии М. Мамардашвили и Л. Витгенштейна // *Вопр. философии.* 2022. № 8. С. 136–147.

Данько С. В. Отменил ли Витгенштейн философию? // *Вох. Философский журнал.* 2013. № 15. С. 1–37.

Мамардашвили М. К. Вена на заре XX века // *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс: Культура, 1992. С. 388–403.

Мамардашвили М. К. Кантианские вариации. М.: Аграф, 2002. 320 с.

Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М.: Прогресс, 1993. 352 с.

Мамардашвили М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии. Опыт физической метафизики. М.: Прогресс–Традиция, 2009. 304 с.

Руднев В. От комментатора // *Витгенштейн Л.* Избранные работы / пер. с нем. и англ. В. Руднева. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 11–14.

Сокулер З. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. 173 с.

Файбышенко В. Ю. Пустая форма и начало истории: трансцендентальная философия рождения у Мераба Мамардашвили // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* 2018. Т. 2, № 4. С. 13–31.

References

Wittgenstein, L. (1989) “Lektsiya ob etike (1929 ili 1930 g.)” [“Lecture on Ethics (1929 or 1930)”], transl. from the English by A. F. Gryaznov, in *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook]. Moscow: Nauka, pp. 238–245.

Wittgenstein, L. (2005) “Logiko-filosofskii traktat” [“Tractatus Logico-Philosophicus”], in Wittgenstein, L. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Transl. from the English and German by V. Rudnev. Moscow: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», pp. 14–222.

Gasparyan, D. E. (2022) “Nevyrazimost' kak uslovie: transtsendental'noe v filosofii M. Mamardashvili i L. Vitgenshteina” [“Inexpressibility as a Condition: Transcendental in the Philosophy of M. Mamardashvili and L. Wittgenstein”], *Voprosy filosofii*, 8, pp. 136–147.

Dan'ko, S. V. (2013) “Otmenil li Vitgenshtein filosofiyu?” [“Did Wittgenstein Abolish Philosophy?”], *Vox. Filosofskii zhurnal* [Vox. Philosophy Journal], 15, pp. 1–37.

Mamardashvili, M. K. (1992) “Vena na zare XX veka” [“Vienna at the Dawn of the 20th Century”], in Mamardashvili, M. K. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How do I Understand Philosophy]. Moscow: Progress: Kul'tura, pp. 388–403.

Mamardashvili, M. K. (2002) *Kantianskie variatsii* [Kantian Variations]. Moscow: Agraf.

Mamardashvili, M. K. (1993) *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Reflections]. Moscow: Progress.

Mamardashvili, M. K. (2009) *Vil'nyusskie lektsii po sotsial'noi filosofii. Opyt fizicheskoi metafiziki* [Vilnius Lectures on Social Philosophy. Experience of Physical Metaphysics]. Moscow: Progress-tradiciya.

Rudnev, V. (2005) “Ot komentatora” [“From the Commentator”], in Wittgenstein, L. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Transl. from the English and German by V. Rudnev. Moscow: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», pp. 11–14.

Sokuler, Z. (1994) *Lyudvig Vitgenshtejn i ego mesto v filosofii XX veka* [Ludwig Wittgenstein and his Place in the Philosophy of the 20th Century]. Dolgoprudny`j: Allegro-Press.

Faibyshenko, V. Yu. (2018) “Pustaya forma i nachalo istorii: transtsendental'naya filosofiya rozhdeniya u Meraba Mamardashvili” [“Empty Form and Beginning of History: Transcendental Philosophy of Nascence in Mamardashvili's Works”], *Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], 2(4), pp. 13–31.

Информация об авторе: Александр Андреевич Гирицкий — кандидат философских наук, младший научный сотрудник Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4.

Information about the author: Aleksandr A. Girinskiy — PhD in Philosophy, Junior Research Fellow at the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.10.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022;
принята к публикации 10.03.2023.

The article was submitted 14.10.2022;
approved after reviewing 30.11.2022;
accepted for publication 10.03.2023.